

*Тема народных врагов и ее развитие в сатирических поэмах
«Недавнее время» и «Современники»*

Если только что рассмотренные поэмы Некрасова ставили на недосягаемо высокий пьедестал истинных защитников и друзей народа, которыми Некрасов признавал, прежде всего, активных революционных борцов, то приблизительно в это же время поэт нанес ряд сокрушительных ударов угнетателям и эксплуататорам народа. Уже в середине 60-х годов Некрасов, как мы видели при анализе незавершенного цикла «номерных сатир», заклеил современную ему действительность и реакционных «хозяев исторической сцены», но реакция, последовавшая за покушением Каракозова, заставила отложить этот цикл до более благоприятных времен. Только через пять лет, в 1870 году, Некрасов вернулся к циклу «незавершенных сатир», но не для того, чтобы его продолжать, а для того, чтобы, использовав заготовленный материал, создать новое произведение — сатирическую поэму «Недавнее время».

Внешним поводом к созданию «Недавнего времени», изображающего английский клуб при Николае I и в первую половину царствования Александра II, послужило торжественное празднование столетия со дня основания клуба (1 марта 1770—1870 годов), давним членом которого был Некрасов. Такие события, как реакция «тридцатых» и конца «сороковых годов», как Крымская война, даже канун «шестидесятых годов», в период создания поэмы (т. е. в самом начале 70-х годов) уже воспринимались, в известной мере, как исторические. Во всяком случае, наличие исторических элементов в содержании «Недавнего времени» — факт, сомнений не возбуждающий. Недаром поэма эта была написана в промежутке между созданием основных исторических поэм Некрасова — «Дедушки» и «Княгини Трубецкой». Однако исторические элементы не занимают в содержании «Недавнего времени» доминирующей роли.

нирующего положения. Острота и резкость сатиры в нем настолько велики, сугубо публицистический колорит так явно чувствуется, что поэма воспринимается как произведение чрезвычайно актуальное с точки зрения современности, тысячами нитей связанной с «недавним прошлым». Так именно и восприняло ее цензурное ведомство, вознамерившееся именно за нее объявить «Отечественным запискам» предостережение. Однако предостережение это все же не было объявлено. Не было объявлено благодаря вмешательству министра внутренних дел генерал-адъютанта Тимашева. Вмешательство Тимашева явилось отнюдь не следствием его либерализма, а следствием сознания неловкости объявлять предостережение за поэму, в которой несколько строк было направлено прямо против него.¹

Приглядимся несколько ближе к «Недавнему времени», которое принадлежит к числу произведений Некрасова, почти что не служивших объектом рассмотрения ни в критической, ни в научной литературе.

В первой главе автор, вспоминая «славное прошлое клуба» («Где ты, время ухи знаменитой? Где ты, время безумной игры»), с особым вниманием останавливается на событиях, характерных для эпохи Николая I и возбуждавших оживленные толки среди членов клуба. Это расправа с Николаем Полевым («Привезли из Москвы Полевого»), вызов самого Некрасова в III отделение, помещавшееся «у Цепного бессмертного мосту» («Завираетесь вы, господа! За опасное дело беретесь»), «Петрашевского дело» («декабрьским террором пахнуло на людей, переживших террор»), Крымская война, когда наравне с людьми, «явившими геройство», немало нашлось и таких,

Кто нагрел свои гнусные руки,
У солдат убавляя паек,
Кто, внимая предсмертные муки,
Прятал русскую корпию впрок,
А потом продавал англичанам...

Чрезвычайно резка данная здесь же общая характеристика постоянных посетителей клуба, «именитых, важных лиц», при-

¹ Вот эти строки:

... быть генерал-адъютантом,
Украшенья носить на груди —
С меньшим знанием, с меньшим талантом
Можно...

надлежавших к «высокой знати», к «цвету и соли министерств, канцелярий» и т. д.:

В молодом поколении — фатство,
 В стариках, если смею сказать,
 Застарелой тоски тунеядства,
 Самодурства и лени печать.

Вторая глава имеет целью конкретизировать эту общую характеристику, фиксируя внимание уже на отдельных лицах. Однако этим последним поэт умеет придать значение широких социальных типов. Образы «стариков объедал», — с них начинается галерея клубных завсегдатаев, — бесподобны, являясь, прямо-таки, классическим образцом фламандской живописи. Описание юноши, — «стройный, красивый, схожий в профиль с великим Петром», — и рассказ о его времяпрепровождении создают образ светского кутилы, прожигателя жизни, развратника, выше всего ставящего бесшабашное удалство, но имеющего шансы стать в будущем генерал-адъютантом. Не менее удался поэту тип старого доносчика («в душе его бедной поселился панический страх, что погубит нас Запад зловерный»), расстроенному воображению которого Булгарин представляется «демагогом», а Сенковский — «Робеспьером».

В третьей главе, останавливаясь на послеобеденных разговорах «клубистов», поэт подчеркивает, что их общей чертой являлась скудость и легковесность тем — естественное следствие как общественного застоя, так и низкого умственного уровня беседующих. О том же свидетельствует увлечение картами, опять-таки художественно изображенное в данной главе.

Четвертая глава посвящена первым годам царствования Александра II. Поэт называет их «благодатным временем надежд», характеризует эти надежды и подробно останавливается на тех «покаянных» настроениях, которые широко были распространены в буржуазно-дворянском обществе («сознаваться в недугах прошедших были мы до того горячи, что превысили всякую меру»). Бесплодность и пустоту этих настроений

Понял... сразу
 Только юноша-гений¹ тогда,
 Произнесший бессмертную фразу:
 «В настоящее время, когда...»

Как только «дело двинулось», т. е. власть перешла к практическому осуществлению намеченных реформ, «обнаружились

¹ Т. е. Н. А. Добролюбов.

личные страсти», под которыми поэт прежде всего имеет в виду страсти, порожденные классовыми интересами.

Далее следует целая галерея махровых реакционеров, которых объединяет

Та вражда к молодым поколениям

Что впоследствии диким явленьем

В нашу жизнь так глубоко вошла.

О народе в «Недавнем времени» на первый взгляд ничего не говорится. Но только «на первый взгляд». Характеризуя николаевскую эпоху, Некрасов в двух-трех строках дает понять, что в это время участились случаи борьбы крестьян с угнетавшими их помещиками («смутные вести долетали до нас иногда о мужицкой расправе, о мести»). Характеризуя начало нового царствования, поэт подчеркивает, что и в это «благодатное время надежд» экономическое и культурное положение народа не улучшилось («народ неразвитый ел кору и молчал, как убитый»). Затем очень характерно четверостишие в описании «охоты медвежьей», когда молодой охотник, светский прожигатель жизни (Сережа), едва не погиб:

Но Сережа осилил медведя.

Кстати тут он узнал и друзей:

Убежали и Миша и Федя,

Не бежал только егерь — Корней.

Мимходом брошенное замечание. Однако из него явствует, что к самоотвержению абсолютно не способны светские приятели («Миша и Федя»), а способен простой мужик.

В конечном же итоге все эти, казалось бы, беглые упоминания о народе говорят о том, что мысль поэта крепкими нитями связана с народом, что изображаемые им события он оценивает с точки зрения народных интересов.

Таковы содержание и поражающая своей стройностью композиция данной поэмы.

Выводы сделать нетрудно.

Некрасов обнаружил в «Недавнем времени» удивительную зрелость ума и зоркость взгляда. Не имея еще достаточной исторической перспективы, он сумел дать очень яркую характеристику как николаевской эпохи, так и начала царствования Александра II. Настолько яркую и в основном правильную, что даже в наши дни, по прошествии восьмидесяти с лишним лет, мы разделяем эту характеристику. Тут дело, конечно, не только в личной одаренности поэта, а прежде всего и более

всего в том, что он стоял на передовых позициях, что он к оценке общественных явлений проявил способность подходить исторически и в основе своих оценок в известной степени следовал материалистической точке зрения.

Как писатель-реалист Некрасов в «Недавнем времени» довел стихотворно-публицистический фельетон до очень высокой степени совершенства. Давно уже обнаружив тяготение к этому жанру, — вспомним стихотворные фельетоны начала 40-х годов («Провинциальный подъячий в Петербурге», «Говорун»), — поэт в этом жанре в 60-е годы создал свои лучшие сатирические стихотворения («О погоде», «Балет», «Газетная»), а теперь использовал его в работе над поэмой. Политическая острота в соединении с яркостью, живостью, доходчивостью формы ведет к тому, что внимание читателя поэмы не ослабевает ни на минуту. Не ослабевает даже теперь, когда поэма воспринимается по преимуществу как историческая. В дни же своего создания, когда описываемое в поэме время было на самом деле «недавним», и когда затронутые в ней вопросы подчас не утеряли еще своей злободневности, она читалась поистине с захватывающим интересом.

Однако, работая над поэмой в такое горячее в общественном отношении время, как 1871 год, — не забудем, что в это как раз время начались знаменитые процессы нечаевцев, не говоря уже о том, что этот год приобрел мировое значение как год Парижской Коммуны, — Некрасов не мог не испытывать горькой досады при мысли, что в своей поэме он все же несколько отошел от современности. Этим и вызвано его «послесловие» к поэме, в котором он прямо указывал на действительную причину его отставания. Отвечая на недоуменные вопросы читателей, живущих где-нибудь в захолустной глуши,

«Почему же не новое время,
А недавнее выбрали вы? —

... зачем же вчерашнее блюдо,
Вместо свежего, ставить на стол?
Чем в прошедшем упорно копать,
Не гораздо ли лучше касаться
Новых язв, народившихся зол?»

Некрасов прямо заявляет:

Для людей, в захолустьи живущих,
Мы действительно странны, смешны,
Но, читатель! в вопросах текущих
Права голоса мы лишены...¹

¹ Курсив наш, — В. Е.-М.

Иначе говоря, более чем недвусмысленно дает понять, что цензурные условия преграждают ему путь к художественному воспроизведению и оценке явлений современности.

Однако в 1875 году он решился заговорить в полный голос о «новых язвах» и «народившемся зле» русской жизни.

Этими «язвами», этим «злом» Некрасов считал те явления, которые были порождены быстрым развитием крупного финансового и промышленного капитализма, усвоившего в своей деятельности, не только при попустительстве, но и при явном содействии государственной власти, не исключая и высшей, явно грабительские методы, исключительно тяжким бременем ложившиеся на народ.

Не забудем, что как раз к этому времени относятся слова В. И. Ленина: «...старая патриархальная Россия после 1861 года стала быстро разрушаться под влиянием мирового капитализма. Крестьяне голодали, вымирали, разорялись, как никогда прежде, и бежали в города, забрасывая землю. Усиленно строились железные дороги, фабрики и заводы, благодаря „дешевому труду“ разоренных крестьян. В России развивался крупный финансовый капитал, крупная торговля и промышленность».¹

Первоначальный замысел поэмы «Современники», повидимому, относится к середине 60-х годов, однако окончательное оформление она получила лишь в 1875 году, причем, сравнительно очень большие размеры поэмы не помешали Некрасову написать ее с исключительной быстротой — всего в два месяца. Столь быстрые темпы работы сделались возможными для поэта только потому, что замысел поэмы он обдумал уже давно и, не ограничившись этим, собрал нужный для него материал. А так как замысел поэмы был чрезвычайно широк, то и материала потребовалось целые горы. В «Современниках» Некрасов использовал и газеты, и журналы, и книги научного содержания, и воспоминания и т. д. и т. п. А кроме того, нет никакого сомнения, что поэт, благодаря своим обширным связям и знакомствам с представителями коммерческого, делового, бюрократического миров, располагал огромным запасом личных наблюдений. Только вооружившись глубоким и всесторонним знанием того общественного строя, который должен был послужить объектом художественного воспроизведения в поэме, Некрасов мог приступить к ее реализации.

Поскольку в замысел поэта входило показать, наряду с грабительскими методами деятельности «плутократии», не только

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 301.

попустительство, но и содействие ей со стороны государственной власти и высшего общества, то соответственно этому был избран жанр и создана композиция поэмы.

Жанр должен был облегчить автору показ огромного числа действующих лиц, композиция должна была помочь объединить их по группам более или менее широкого социального охвата. Некрасов остановился на жанре полутеатрального сатирического обозрения, приспособленного к тому, чтобы дать огромное число портретов («портретную галерею») интересовавших его персонажей.

Композиция определена суммой наблюдений того же автора, находящегося в модном ресторане («Дюссо»), сначала над присутствующими в отдельных залах, а затем над присутствующими в огромном общем зале. Отсюда деление поэмы на две части.

В первой — «Юбиляры и триумфаторы» — показаны преимущественно индивидуальные образы представителей власти, но показаны так, что их совокупность позволяет говорить о некоем коллективном образе, вызывающем чувство возмущения и омерзения. Разве этого чувства не возбуждает «юбiliar-администратор, древен, весь шитьем залит, две звезды...», о котором только и можно сказать, — высший комплимент! — что он «не довел до разоренья, пищи, крова не лишил» «населенья» вверенного ему края, что он не совершал явно уголовных деяний (зал № 1), или другой герой, ярый мракобес, подобный Магницкому (зал № 2).

Под давлением цензуры Некрасову пришлось выбросить из текста отдельного издания «Современников» несколько сценок («зал»), в которых речь шла о представителях администрации, как гражданской, так и военной, в их непосредственном воздействии на народ.

Вот сценка «Новый губернатор», в которой некто, по всей видимости министр, назначая кого-то «новым губернатором», наставляет его:

Что же делать? Потрудитесь!

Недоимку! недоимку!
Остальное — трын трава! . . .¹

В «Председателе казенной палаты» воспроизводится беседа между сугубо ретивым «председателем казенной палаты» (т. е. главой финансовой администрации в губернии) и директором департамента. Директор, восхваляя председателя за то,

¹ Цитируется по отрывку из поэмы, вошедшему в «Приложения».

что в его губернии «мужик» хорошо платит недоимки, выражает намерение распространить применяемые им решительные меры и на другие губернии, но председатель находит в себе мужество, без сомнения на основании собственной практики, решительно возразить ему:

— Не советую, ваше сиятельство,
Всё погубите, смею сказать!

Доложите министру финансов,
Что действительно беден мужик!¹

В 70-е годы, заметим попутно, выколачивание недоимок производилось с особой энергией, причем служебных поощрений удостоивались те администраторы, которые на этом позорном поприще добивались наибольших успехов. Бедность разоренного «освобождением» мужика попросту игнорировалась, причем в случае неповиновения этого последнего власть не задумывалась принимать решительные меры.

Что это были за меры — на это содержится намек в сценке «Воины». Восхваляя некоего «воина» за его геройство, ему говорят:

Путь, отчеству полезный,
Ты геройски довершил,
Ты не дрогнул перед *бездной*,²
Ты...

Татарин³ нелюбезный
Двери круто затворил.

Трудно сомневаться, что Некрасов имел в виду не бездну с маленькой буквы, а Бездну с большой буквы, т. е. селение Казанской губернии, которое с обильным пролитием крови усмирял гр. Апраксин («воин») за то, что бездненские крестьяне не хотели принимать разорительного для них «Положения».

Чего больше ожидать от «воинов», разумеется, не простых солдат, а от высших воинских чинов, — на этот вопрос Некрасов ответил в сценке «Военный пир... военный спор». В ней устами какого-то «оратора», разумеется, из высших военных чинов, не только порицается пользовавшийся репутацией либерала военный министр Д. А. Милютин, но и торжественно провозглашаются такие истины:

Нет! лучше был порядок старый!
Солдата в палки ставь — и знай,

¹ Отрывок из поэмы, не вошедший в основной текст и включенный в «Приложения».

² Курсив наш, — В. Е.-М.

³ Лакеи в модных ресторанах по национальности были татары.

Что только палка бьет пороки!

Где страх начальства, там и честь.

Выводя сановных реакционеров, Некрасов заклеил и барда реакции М. Н. Каткова. Давая насмешливый отклик на торжественные, — не по заслугам, — похороны соратника Каткова, также московского публициста, Некрасов иронически замечает:

В Москве — свои понятия,
Свои герои, боги.

Поверьте, наша пресса
Клевещет на Каткова.
Ужель у патриота
В основе убежденья
Тупая жажда гнета
И похоть истребленья? ¹

Последние две строчки содержат в себе исключительно резкую характеристику лже-патриотизма Каткова. Но и они, к сожалению, вошли в изъятую из основного текста «Современников» сценку.²

Кроме отмеченных, в «Юбиляры и триумфаторы» вошло еще несколько сенок, в которых изображаются представители различных общественных организаций, способных, на первый взгляд, даже вызывать симпатии, но при ближайшем рассмотрении оказывающихся или бесполезными, или вредными для народа.

Таково общество агрономов (зал № 5), которое, после тщетных попыток «в отечестве... улучшить скот», решает самоупраздниться и по слову своего «президента»

Оставить бедный наш народ
Судьбам его — и богу!

При этом, однако, члены общества не забывают разделить между собой «скромный дивиденд».

Таково общество библиографов (зал № 7), старающихся поднять до уровня важного общественного события разыскание тетрадки с бездарными стихами некоего Тяпушкина. Членов общества характеризует пренебрежительное отношение

¹ Отрывок из поэмы, не вошедший в основной текст и включенный в «Приложения».

² Образ действий цензуры, по настоянию которой были изъяты целых 6 наиболее острых сцен «Современников», вполне понятен, как понятно и сожаление Салтыкова-Щедрина о «выпущенных сценах».

к литературной современности, «мертвые» писатели им «милей» живых. Недаром автор называет их «гробовскрывателями».

Таково собрание светских «благотворителей» (зал № 9), превозносящих некую Марию Львовну, мастерицу устраивать «народные праздники» с лотереями-аллегри. Легко поддающиеся на соблазн выиграть корову бедняки наперебой раскупают билеты:

Пятнадцать тысяч
Собрали ровно!

Пятнадцать — с нищих!
Что значит — масса!
Да процветает
Приюта касса!

Зло смеется поэт над обществом гастрономов (зал № 10), произносящих «приговоры» «сосиске», ставящих «баллы» «поросенку», «ветчине» и ссорящихся при этом.

Под стать взрослым людям светская молодежь (зал № 3), собирающая большие деньги на подарок канканирующей французской певичке и прославляющая ее в восторженном гимне.

«Юбиляры и триумфаторы» — своего рода введение ко второй части поэмы — «Герои времени». Этим введением Некрасов как бы хочет показать необычайно низкий моральный и интеллектуальный уровень, а особенно не менее низкую общественную ценность так называемого «высшего общества», причем акцентирует внимание на поистине растленных представителях власти.

В «Героях времени» в центре внимания автора, а вслед за ним и читателей члены одной могущественной корпорации — корпорации плутократов.

Перечень действующих лиц, еще более многочисленных, чем в первой части поэмы, дается самим автором:

Во-первых, тут были почетные лица
В чинах, с орденами. Их видит столица
В сенате, в палатах, в судах.
Служа безупречно и пользуясь весом,
Они посвящают досуг интересам
Коммерческих фирм на паях.
Тут были плебеи, из праха и пыли
Достигшие денег, крестов,
И рядом вельможи тут русские были,
Погрязшие в тине долгов
(То имя, что деды в безумной отваге
Прославили — гордость страны —
Они за пай подмахнут на бумаге,
Нестоющей трети цены)...

Сидели тут важно, в сознании силы,
 «Зацепа» и «Савва» — столпы-воротилы
 (Зацепа был мрачен, а Савва сиял).
 Тут были банкиры, дельцы биржевые,
 И земская сила — дворяне степные, —
 Тут было с десятков менял.
 Сидели тут рядом тузы-иноземцы:
 Остзейские, русские, прусские немцы,
 Евреи и греки и много других —
 В Варшаве, в Одессе, в Крыму, в Петербурге
 Банкирские фирмы у них —
 На *аки*, на *раки*, на *берги* и *бурги*
 Кончаются прозвища их.

Этот перечень подчеркивает, с одной стороны, всесословный (высшая бюрократия, аристократия, дворяне степные, плебеи и т. д.), с другой, — пестрый национальный характер изображаемой поэтом оравы.

Что объединяет составляющих ее, подчас столь не похожих друг на друга людей?

Их объединяет общее участие в

... походах на карманы
 Благодушных россиян...

«Походы» эти преследуют одну цель — наживу. Аппетиты любителей наживы не имеют границ и пределов:

О господи! удвой желудок мой!
 Утрой гортань! учетвери мой разум!
 Дай ножницы такие изобрести,
 Чтоб целый мир остричь вплотную разом.

Сфера интересов, а вместе с тем и сфера деятельности изображаемой поэтом общественной прослойки определяется словами:

Шумно... В уши
 Словно бьют колокола,
 Гомерические куши,
 Миллионные дела,
 Баснословные оклады,
 Недовыручка, дележ,
 Рельсы, шпалы, банки, вклады —
 Ничего не разберешь!..

Сомневаться в том, что плутократы, в известной мере, добьются желаемого, не приходится:

Горе! Горе! хищник смелый
 Ворвался в толпу!
 Где же Руси неумелой
 Выдержать борьбу?

Ох! горька твоя судьбина,
Русская земля!
У мужицкого алтына,
У дворянского рубля
Плутократ, как караульный,
Станет на часах,
И пойдет грабеж огульный
И — случится крррах!

Плутократы считают для себя одинаково дозволенными все средства, ведущие к цели, не исключая и самых безнравственных.

Я — вор! Я — рыцарь шайки той
Из всех племен, наречий, наций,
Что исповедует разбой
Под видом честных спекуляций!
Где сплошь да рядом — видит бог! —
Лежат в основе состоянья
Два-три фальшивых завещанья,
Убийство, кража и поджог!
Где позабудь покой и сон,
Добычу зорко карауля,
Где в результате — миллион
Или коническая пуля!

Ставя свою целью всесторонний, хотя и беглый показ плутократов, Некрасов, прежде всего, рисует деловую, если так можно выразиться, часть их ресторанного времяпрепровождения. Они превозносят бесстыдно эксплуататорскую деятельность «производителя работ акционерной компании» Федора Шкурина, который мастерски умел добиваться понижения цен на труд, разоряя тем самым местное крестьянское население; внимательно выслушивают патетическую речь одного из «менял», предлагающего основать акционерное общество для учреждения «Центрального Дома Терпимости». Если этот проект и отклонен, то только потому, что его признали для данного момента несвоевременным; чудовищная же безнравственность проекта никого не пугает. Разговоры подвыпивших («все пьяно»), а потому и не считающих нужным стесняться участников сборища, часто циничны до ужаса:

Теперь цинизм у них царил,
И разговор был часто страшен:
— С какой иконы ты скусил
Тот перл, которым ты украшен? —
«Да с той, которой помолясь,
Ты Гасферу подсыпал яду...»
Так остроумно веселясь,
Одни смеялись доупаду,
Другие хмурились...

Дальнейшие «разговоры» ведутся одиннадцатью голосами, перемежаемыми репликами князя Ивана. В них, особенно в репликах князя Ивана, затрагиваются вопросы, позволяющие автору вносить все новые и новые штрихи в характеристику русских плутократов и их приспешников. Тут и ряд весьма недвусмысленных намеков на колоссальные взятки, которые берут высокопоставленные бюрократы, не исключая самих министров; тут и издевательства над «господами костоломами», т. е. инженерами, нагоняющими, в угоду акционерам, экономию при постройке железных дорог; такая «экономия» вызывает постоянные, сопровождаемые многочисленными человеческими жертвами крушения. Здесь же представлены проникнутые «горечью и злостью» портреты определенных лиц из мира железнодорожных дельцов и банковских воротил; тут и иеремиады по адресу суда, в помещении которого «героям времени» иной раз приходится переживать весьма неприятные ощущения; тут и брань против печати, называемой железные дороги «душегубками», а их строителей — «ворами».

Образы биржевика и писателя, сочинившего брошюру «О процентах», сговаривающихся о совместной деятельности, как бы символизируют связь между плутократией и той частью литераторов, которые продались капиталу. Лейтмотив сформулирован в следующих словах:

Не у нас — во всей Европе
Прессой правит капитал.

Образ «Авраама-изыскателя» знакомит с биографией железнодорожного магната, который вознесся из ничтожества и приобрел себе огромное состояние, так как сумел под видом покупки никуда негодной земли («болота семьдесят семь десятин») подсунуть взятку власти имущему лицу, покровительству которого и проложилось ему дороге к богатству.

Необыкновенно яркие образы предстателей «местного дворянства» и «дворян-степняков», призванные иллюстрировать ту мысль, что дворяне и после освобождения крестьян не перестали быть исконными врагами народа.

Характерна песенка «двух инженеров», подчеркивающая магическое действие взяток на самых высоких сановников.

Реалистически ярка характеристика Леонида, «ренегата из семьи профессоров», — великолепный образец красная и писаки, продавшегося на службу плутократии.

Ярко и образно очерчены «остзейский туз — барон фон Клоппенгорст» — воплощение величественного самодовольства,

«торжественности в осанке и лице», и представляющий полную противоположность ему юркий, вертлявый Эдуард Иванович Грош.

Он туда протиснет взятку,
Что руками разведешь!..

В ореоле таинственности представлено появление некоего «нового гостя», перед которым склоняется «сам барон Клоппенгорст», — надо думать министра, ведущего какие-то многозначительные переговоры с Саввой и Зацепой.

Затем следует рассказ «экс-писателя бледнолицего Пьера Кулькова», только что вернувшегося из-за границы, о сказочной роскоши, которую окружил себя наживший в России «миллиард», а теперь поселившийся «на светлом юге» «великий муж» фон Руге, совмещающий в себе, так сказать, апофеоз вождельний плутократа.

Эффектны появление и речь необычайно энергичного и предприимчивого Ладьина («сумасшедший или гений?» — спрашивает о нем поэт), похваляющегося тем, что он «рельсы дал дорогам», и «войскам оружие дал» и лелеющего новые грандиозные планы, вроде

Море Балтийское,
Море Каспийское
Соединим!

и в то же время мечтающего построить «Порт на Черной речке».

После ухода Ладьина, так же внезапно исчезнувшего, как и явившегося, развитие действия в «Современниках» принимает совершенно иной характер. Поэт считает необходимым напомнить о народе, о том самом народе, который бесстыдно и беспощадно грабят и обируют изображенные им плутократы. Для этого он избирает особый, поражающий своим своеобразием, но отнюдь не противоречащий реалистическим установкам поэмы прием, заставив собравшихся, точнее тех из них, которые или вышли из народа, или в прошлом имели близкое общение с ним, запеть бурлацкую песню, пронизанную не только отзвуками горькой бедности и непосильного труда, но и чувством зреющей ненависти к эксплуататорам («Эдак бы впрячь в лямку купца — лег бы богач!»). Цинизм грабителей доходит до предела! «Бурлацкая песня», воссоздающая образ обездоленного и угнетенного народа, — самое сильное место в поэме. Это почувствовал такой первоклассный художник и в то же время соратник Некрасова по литературно-журнальной

деятельности, как М. Е. Салтыков-Щедрин. В своем отзыве о «Современниках», содержащемся в письме к поэту от 12 февраля 1876 года, он заявлял: «... поэма поразила меня своею силою и правдою; например, картина Кокоревых, тянущих бечевую и с искренним трагизмом поющих бурлацкую песню (превосходную)...».¹

Некрасов не погрешил против законов реалистического искусства, когда, не ограничиваясь меткими зарисовками «русского общества», он заставил одного из присутствующих в зале персонажей, потрясенного только что полученной телеграммой о тяжелом семейном несчастье, заняться самобичеванием, испытал под влиянием бурлацкой песни чувство горького стыда и раскаяния от сознания, что он не только принимал участие, но, в известной мере, и предводительствовал в шайке подлых грабителей народного достояния. Это — Зацепа, стяжавший себе в «коммерческом мире великую славу» и выделявший себе «из каждого крупного дела» «львиную долю».

С момента всенародного, так сказать, покаяния Зацепы поэма принимает сугубо драматическое течение. Истерические вопли Зацепы, который не знает удержу в своих беспощадных самообличениях, являются не только самообличениями в узко личном, узко индивидуальном плане, но и самообличением целого общественного класса, построившего свое жизненное благополучие на законных (а иногда и на незаконных) способах грабежа, воровства, обирания масс. В свою очередь утешения, обращенные к Зацепе его многочисленными друзьями, служат той же цели и выявляют безграничную аморальность российской плутократии. Так, например, смысл утешений князя Ивана состоит в том, что Зацепа не является исключением, что его грехи — уже не грехи, поскольку в них повинны и другие представители их круга.

Закончить «Современники» трагической нотой было бы едва ли правильно, хотя таково было мнение Салтыкова-Щедрина. Такое окончание контрастировало бы с общим тоном всего произведения. И Некрасов был прав, остановившись на таком окончании, которое подчеркивало, что плутократ типа Зацепы остается плутократом и после взрыва покаянных настроений, вызванных получением известия о смерти сына. «Современники» заканчиваются сценой карточной игры («что ни ставка — капитал!»), которую организует Савва и к которой, в конце концов, присоединяется и успокоившийся Зацепа.

¹ Н. Щедрин (М. Е. Салтыков), Полное собрание сочинений, т. XVIII, М., 1937, стр. 338.

«Герои времени» — замечательное, все еще не оцененное по достоинству произведение русской поэзии.

Сила производимого поэмою впечатления зависит от ее художественных достоинств и от важности поставленных автором проблем: проблема русского капитализма и практикуемых им методов наживы в 70-е годы, проблема растлевающего воздействия капитализма на его представителей и на окружающую социальную среду, продажность представителей правительственной власти, вовлеченных в орбиту капиталистического грабительства, проблема буржуазного перерождения части интеллигенции, пошедшей на службу капитализму.

Как удачна композиция поэмы, охватывающая бесконечное множество событий, картин, сцен, образов — об этом уже говорилось. Теперь надлежит сказать несколько слов о характере образов. Вопреки мнению, державшемуся в старом литературоведении, что Некрасов стремился рисовать портреты отдельных лиц, сейчас уже всем ясно, что целью некрасовской сатиры в «Современниках» было разоблачение социального строя в целом. И это разоблачение, сделанное художником-реалистом с демократических позиций, настолько ярко и типично, что оно не потеряло своего значения и до настоящего времени.

Для придания своим образам наибольшей остроты Некрасов щедро наделял их чертами определенных лиц. Так, трудно было бы отрицать, что «христов мужичок» Федор Шкурин воспринял нечто от железнодорожного магната Губонина, Савва Антихристов от Кокорева, Ладьин от Путилова, Леонид — от Вышнеградского, Пьер Кульков — от бывшего сотрудника «Современника» П. М. Ковалевского; фон Руге очень похож на фон Дервиза и т. д. Точно так же, говоря о представителях высшей администрации, некоторым из них Некрасов придает черты тех или иных министров. В результате поэма приобретает исключительную политическую остроту и злободневность. Надо удивляться той смелости, которую в данном случае обнаруживает поэт. Еще настойчивее позволяют говорить об этой смелости намеки на то, что даже при дворе берут взятки.¹

¹ Характеризуя Э. И. Гроша, Некрасов говорит:

Он туда протиснет взятку,
Что руками разведешь!

Весьма возможно, что здесь разумеется дворец. Чрез посредство фаворитки царя княжны Долгорукой «устраивалось много различных дел, не только назначений, но прямо денежных дел, довольно неопрятного свойства» (см.: С. Ю. Витте. Воспоминания, т. III, Л., 1924, стр. 258—259). Есть данные полагать, что царь оказывал Долгорукой в этих делах содействие.

Элементы гротеска, которые, без сомнения, свойственны некоторым образам поэмы Некрасова, нимало не снижают их реалистической сущности. Ведь в гротесках Некрасова, равно как в его гиперболах, неизменно присутствует реалистическая основа. Образ князя Ивана, — это относится и к другим образам поэмы, — не лишен, конечно, черт гротеска. Недаром Маяковский, под впечатлением некрасовского портрета кн. Ивана:

Князь Иван — колосс по брюху,
 Руки — род пуховика,
 Пьедесталом служит уху
 Ожиревшая щека.
 По устройству верхней губы
 Он — бульдог; с оскалом зубы. . .

восклидал: «Неужели не я это написал?!», тем самым как бы давая понять, что в приеме соединять гиперболу с гротеском, не снижая реалистической сущности образа, он является преемником Некрасова.

Вообще, говоря о художественной стороне «Современников», нельзя не удивляться проявившемуся в ней поистине огромному таланту Некрасова. Строя поэму как сатирическое обозрение, — трудно было выбрать более подходящий литературный жанр, учитывая, что перед поэтом лежала труднейшая задача на основе характеристики множества образов создать широкий коллективный образ грабительствующей плутократии и содействующей ей сановно-аристократической социальной верхушки, — Некрасов сумел придать этому обозрению живость, динамичность, а иногда и драматизм. Ему удалось достигнуть этого, между прочим, и потому, что еще со времени своих успехов на драматургическом поприще он в совершенстве овладел искусством живого, быстрого, остроумного диалога, а также искусством динамического развития действия. Не мало ему помогло и виртуозное владение ритмами. Стих «Современников» отличается разнообразием и оригинальностью. Чтобы оживить поэму, поэт пользуется то водевильными куплетами, то романсами, то народными песнями, то спичами. Однако пестрый калейдоскоп различно оформленных картин, сцен, образов не ослабляет идейного смысла поэмы, не препятствует ей производить сильное впечатление. М. Е. Салтыков-Щедрин в уже цитированном письме Некрасову (от 12 февраля 1876 года) справедливо заметил: «Описание оргии, спичи и лежащая на всем фоне угрюмость — все это отлично задумано и отлично выполнено».

Угрюмость — естественное следствие того, что поэта революционной демократии не могли не тревожить, в процессе ра-

боты над «Современниками», скорбные и горькие мысли. Ведь его внимание исключительно было приковано к ненавистным для него образам подлинных врагов народа, причем образов врагов народа не униженных и побежденных, а торжествующих и победоносных. Однако в основе их торжества, — поэт всячески подчеркивает это, — лежит общественная неправда.

Сцена покаяния и самообличения Зацепы введена поэтом с определенной целью: жизнь, основанная на общественной неправде, неизбежно влечет воздаяние. Полны зловещего смысла слова бурлацкой песни:

Эдак бы впряхь
В лямку купца —
Лег бы богач! . .

Несомненно, что когда Некрасов это писал, перед его воображением вставали картины будущего, когда поднявшийся на борьбу с угнетателями и эксплуататорами народ воздаст по заслугам своим врагам. Поэт очень хорошо знал, что в предстоящей борьбе к народу присоединятся лучшие представители интеллигенции. Знал и мучительно хотел сказать об этом, если не сказать, то хотя бы намекнуть в тех же «Современниках», но на его пути непреодолимой стеной вставала цензура. Ее красный карандаш заставил, повидимому, Некрасова скомкать образ сына Зацепы Константина, самоубийство которого препятствует видеть в нем вполне сознательного и убежденного борца за права народа. Цензура заставила Некрасова пожертвовать великолепным пятистишием, рисующим образ Вадима Лучкова:

Вадим Лучков — служебная карьера
Блестящая готовилась ему,
Но увлекла гуманная химера
Несчастливого мечтателя в тюрьму.
И ныне он в изгнании. . . в неволе. . .¹

Нет надобности доказывать, что Вадим Лучков — один из тех отщепенцев высшего класса, которые подобно Софье Перовской, сестрам Фигнер и др. стали на сторону революции.

Правительство очень боялось развития революционных настроений среди молодежи и всякими способами старалось обратить ее на путь «благонамеренности». Один из таких способов — циркуляр реакционнейшего министра народного просвещения гр. Д. А. Толстого от 24 мая 1875 года — Некра-

¹ М. В. Теплинский. Творческая история поэмы Некрасова «Современники», Автореферат, Л., 1951, стр. 8.

сов зло высмеял в особой пародии, озаглавленной «Напутствие», предназначенной для «Современников» и не введенной в текст поэмы по цензурным условиям. В «Напутствии» юношам внушалось, что «путь спасения — в молитве и в покорности царю», что нет ничего в мире «презренней агитаторов глупцов». А кончалось «Напутствие» следующими словами:

Блага жизни вам дадутся,
Лишь найдите по стопам
Тех, что дерзко предаются
Анархическим мечтам!
Им готовит провиденье,
Вместо власти и венца,
Одиночество, забвенья
И — изгнанье без конца. . .

Лирическая интонация последних строк не оставляет никакого сомнения в том, что сочувствие автора всецело на стороне жертв правительственного террора. Не следует упускать из виду, что эти строки писались тогда, когда число арестованных революционных деятелей насчитывалось уже не сотнями, а тысячами. «Изгнанье без конца», т. е. ссылка, угрожало очень и очень многим.

Если даже не учитывать проявленного автором «Современников», но почти что парализованного цензурой намерения противопоставить плутократам и их союзникам истинных «друзей свободы и народа», т. е. деятелей революционного движения, то все же революционный смысл поэмы несомненен. Обличение плутократии и пособничающей ей государственной власти ведется здесь Некрасовым с исключительной резкостью, с неизбежностью наталкивая на вывод, что с их представителями никакие иные, кроме революционных, методы борьбы невозможны. Хотя со времени создания «Современников» прошло около 80 лет, но поэма эта не утратила своей актуальности и до сих пор.

Как выдающееся литературно-художественное произведение, разоблачающее грабительскую сущность, пошлость, ничтожество и духовный маразм представителей капитализма, их космополитическую беспринципность, поэма Некрасова живет полноценной жизнью и в наши дни.

